

ЛОДКА

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ

Николай Зайцев

Лодка

<https://litres.ru/74056791>

SelfPub; 2026

Аннотация

После ядерного взрыва ставшая на вечный причал подлодка-музей тк 208 становится домом для последних семи детских экскурсий. Выросшие ребята верят в силу святых мичманов, которые научили их новой жизни и помогли быстро адаптироваться.

Это история о тех, кто выжил

Николай Зайцев

Лодка

Глава 1

На трехсотый день от рождества Святых Мичманов кто-то опять сожрал грибы.

Я стоял перед разрушенной плантацией, не в силах пошевелиться. Что же получается? Кто-то целенаправленно уничтожает посевы, желая оставить лодку без припасов? Фонарик в шлемофоне бегал из угла в угол стоило только повернуть голову, высвечивая полную разруху: вывороченная земля, переломанные лотки, стены подвала испачканы слизью. Счетчик Гейгера неумолимо постоянно трещал, напоминая, что еще и герметизация помещения полностью нарушена, и, если раньше можно было раздеться, снять защитный костюм, то сейчас об этом не могло быть и речи. Я посмотрел на рукав, где были вмонтированы часы — стрелка уровня кислорода неумолимо ползла к красной отметки и стал медленно пятиться из теплицы. Мне еще предстояло вернуться в плавдок, где на причале на вечно, покоился наш дом, и путь назад предстоял нелегким — эта плантация была самой дальней.

Я — старший грибник лодки, и вчера я потерял двух последних грибников из своей команды. Бригадир без подчи-

ненных. Думал здесь найду: такое бывает, особенно у молодых, разведут костерок в дальней плантации, нажарят шашлыков из грибов, откроют банку браги и потеряются на два дня. А нет, получается, ошибся. Представляю злорадное лицо помощника младшего мичмана. Да уж, лучше самому потерять, чем такой стыд.

Я снова посмотрел на слизь на стенах подвала. Странно. Откуда взялась? Нет здесь никакого следа от костра, нет и плантации с грибами. Сегодня я точно никого не найду. Вернусь ни с чем, не считая ранца за спиной, набитого грибами — работу надо выполнить до конца, смену никто не отменял.

Я, не оборачиваясь к коридору, спиной шагнул назад и навсегда попрощался с неудачливой колонией грибов. Осталось еще три таких места. Три из семи.

Кто-то жрет грибы. Кто-то разрушает плантации и неумолимо сжимает блокаду вокруг лодки.

И теперь я бригадир без бригады. Как так получилось? Нас же двенадцать человек работало на грибах! Когда все потерялись? И пополнение не дают и новых охотников нет, нет забавных разговоров про шашлыки из грибов под брагу и, как результат, нет и новых новобранцев. Некому рассказывать.

Я тороплюсь. Гулко стучит сердце, отдаваясь в разболевшейся голове. Потею, костюм не снять, начинаются открытые зоны. Радиация она сейчас везде, но нам повезло, что на момент ядерного взрыва лодка в плавдоке стояла, так бы

семь экскурсионных групп никогда бы не выжили. Повезло, что на борту было еще сорок восемь мичманов: они и придумали всё: и оборудование для переработки грибов в таблетки, и сами плантации, и защитные костюмы, и очистители воды, и остальные мелочи, которые позволяют выжить на подлодке уже нескольким поколениям. Поэтому и стали Святыми Мичманами.

Заслужено.

Меня то вряд ли во святые возведут. Потерял двенадцать человек. Как мог...

Я остановился перед лестницей. Посмотрел вверх. Надо найти в себе силы и начать подъем. Взялся за первую ржавую скобу. Плавдок он огромен, таких подъемов будет несколько, но и подлодка немаленькая: ТК 208, надпись по борту до сих пор видна «Дмитрий Донской», говорят, уже позже пририсовали, когда склад краски нашли. Может сам Донской и писал, кто знает? Увековечил себя. Но среди мичманов такой фамилии не было.

Я стал карабкаться вверх и перечислять фамилии: Астахов, Аратюнян, Бабииков. Надо вспомнить всех. Говорят, когда очень трудно и тебе кажется, что всё трендец полный и ты вряд ли выживешь, надо фамилии Святых Мичманов перечислять. Тогда они могут услышать и прийти на помощь. Хотя нет уже в живых никого, радиации то они больше других хватанули, но разве — это важно, когда тебе настает конец?

Главное не забыть никого. Не пропустить и назвать всех. Борисов, Белов, Васильков.

У меня как раз тот самый момент, когда начинаешь верить во все.

По следующему коридору я побежал, сложно конечно, когда на тебе свинцовые пластины висят, ели ноги переставляешь, но самому кажется, что бежишь. Устал быстро. Ветров, Ворохов, Вредный. Новые ступени. Не сломаны? Две уже прогнулись и готовы лопнуть Руки дрожат, когда ложатся на ржавые скобы ступеней. Стараюсь не смотреть на рукав костюма, где расположен круглый датчик часов, отвечающий за уровень кислорода, но не получается, и дышать становится тяжелее

Мичман Вредный стал мужем моей матери. Я долго призывал к мысли, что это теперь мои новые родители. Лежал ночами в шонке, смотрел в потолок, стараясь не забыть своих настоящих родителей, их образы. Но сколько мне тогда было? Семь лет? Восемь? Младший кадет на экскурсии самой большой подлодки, как и все из этой группы быстрее остальных приспособились к новой среде обитания. И вот я уже не знаю других родителей. Я не знаю другой жизни. Папа, мичман Вредный, учит меня грибному делу, внушает мысль, что ничего важнее в жизни подлодки нет.

Есть.

Я теперь точно знаю, что есть. Сидел бы за письменным столом или, например, слесарил — ползал бы узким шахтам

лодки и чинил трубы. Хорошая ведь работа и тоже нужная для последнего общества. Нет, я грибник. И кислородные баллоны на груди почти пусты. Я умру непонятно где, так и не познав женщину, не вспомнив образ родителей, не выполнив своей главной миссии: не вернусь с рюкзаком, наполненный грибами.

Святые мичмана мне помогут. Точно помогут. Только надо вспомнить всех. Я сейчас. Сейчас. Только посмотрю трещину в коридоре, всегда смотрю в нее, когда возвращаюсь с дальнего перехода. Трещина растет и это меня беспокоит. Секундное дело по сути, только гляну и дальше рвану. Кто там дальше по списку? Ведь в школе учили постоянно, три раза в неделю. Я не мог забыть самую важную информацию, только на нее теперь и вся надежда: Глебов, Галустян, Главный старшина. Последний не совсем правильно назван по фамилии, он погиб одним из первых, в отсеке, где нельзя находиться больше одной минуты, но сдастся мне никто не знал его настоящему имени. Из святых он самый важный. Это точно. Ни раз спасал меня, да и не только меня, помогая по мелочам.

Я смотрю в трещину, фонарь шлемофона бежит по мутной зеленой воде, уровень, если и поднялся, то не критично. Странно, с одной стороны вход вниз из которого я пришел, а здесь вниз уходит трещина. Значит и здесь, когда —то были туннели? Я помнил только трещину. Вода в ней появилась много позже. Долго стою, надо уходить. Кто там после Глав-

ного старшины? Вода медленно задрожала и из нее горбом вылезла панцирная спина. Я застыл, забыв всё. Глянец пластин тихо защелкивался в единый хитон и чудовище, не поднимаясь величественно ушло на глубину.

Святые мичмана! Что это было? Я медленно пячусь от края трещины и бегу к спасательной последней лестнице. Вот! Что я говорил? Главный старшина меня и спас! А вспомнил бы другую фамилию, произнес бы ее секундой позже и точно бы мне был конец. Как после такого не верить совпадениям? Я быстро перебираю руками и ногами и с ужасом понимаю, что дышать больше нечем. Закрываю глаза, если выберусь из трубы, добегу и с закрытыми.

Если выберусь из трубы. Если вспомню другие фамилии мичманов.

Только бы добежать до колокола. Сколько информации открылось, надо доложить, я кажется, понял кто уничтожает теплицы и куда девалась моя бригада.

Я приоткрываю глаза и вижу подлодку в доке. Огромная, черная и равнодушная она глыбой висится над расколотым миром в закрытый купол и хочет мачтами антен пробить бетонное небо. Как далеко.

Безнадежно далеко.

Рядом с трапом на белом столбе неподвижно висит бронзовый колокол. Манит к себе, притягивает магнитом. Ноги заплетаются, и я лечу. Куда только? Вниз или вверх?

Надо успеть перечислить остальных мичманов, пока не

поздно: Дубинин, Дятлов, Ежов.

Они точно помогут.

Глава 2

Обычная северная погода нагоняла на душу привычную тоску.

Угрюмое море тёмными волнами накатывалось на крутые скалистые берега, не желая сдаваться в своих приступах. Ржавые камни сейчас от воды были такими же серыми, как и небо над головой. Никакой растительности на вершинах скал. Ни одного кустика на уступе. Ни одного зелёного листочка на одиноких веточках, торчащих из узких расщелин. Ничего, кроме каменных награждений, глыб и плит. Редкие чайки с противными криками низко носились над водой, выскивая мелкую треску. Ледяной ветер с моря дуя, остужал небольшие лужи в каменных чашах.

Мичман Вредный не любил север. Юношеский задор быстро исчез, оставаясь в самолёте, стоило сделать по трапу первый шаг. Куда делись непроходимые леса, видимые из иллюминатора. Вокруг аэродрома росли мелкие карликовые берёзки, похожие на сплетенный между собой непроходимый кустарник. И резко в глаза бросалась рябина, со своими оранжевыми шапками плодов.

Робкие сомнения о правильности выбора профессии, тогда уже заскребли душу, но Вредный надеялся, что это бы-

ли только первые впечатления. Подумаешь, нет растительности, ледяной ветер сшибает с ног (хоть по календарю лето) и воздух разряженный такой, что нечем дышать. За то, романтика. Впереди интересная служба, восторг и приключения. Солёные брызги в лицо, золотые звезды в погонах, северная большая зарплата. Красота. Перспективы огромны.

Однако, дальше было ещё хуже.

Большой город остался позади, асфальт сменился грунтовкой и вместо привычной жизни в миллионнике, молодой мичман с головой окунулся в гарнизонную жизнь маленького поселка. Военного городка, как его здесь называли. Городка, своей разрухой и инфраструктурой, напоминающий место из книг об будущем апокалипсисе.

Пятнадцать лет службы пролетели, как один день. Оставляя лёгкую седину на висках, память об автономках, о браке и жене, которая любила, но не справилась с частыми разлуками, и вернулась обратно в Воронеж, об алиментах и дочке, которую видел иногда в редких отпусках.

Мичман Вредный ненавидел север, катком прокатившимся по его жизни, и мечтал поскорее окончания последнего контракта. Да, люди здесь были лучше, породистее, что ли, чем в средней полосе или на юге. Но и это объяснялось просто: на север когда-то отправляли ссыльных, грамотных людей, неугодных режиму, а не проституток на высылки. Или те же, взять, грибы. Подосиновиков столько по осени, что косить косой не перекосить. А никому не нужны. В Финляндии

через дорогу олени едят. Другое дело шампиньоны. Благородные грибы. Белые и офицерские. Царская закуска. Востребованы всегда. У мичмана Вредного была тайная мечта: выйти на пенсию и разбить в подвале родного дома грибную плантацию. Военный моряк чувствовал, что может озолотиться на этом деле. Чуйка, выработанная годами, не могла подвести. Можно, конечно, выращивать заодно и клубнику, но основной доход могут принести только грибы. Открыть свою сеть распространения, вот это мечта, так мечта. Мичман Вредный был одержим идеей обогащения, чувствовал, как в нем загибается предприниматель и копил книги по разведению шампиньонов. Вырезка к вырезки, книжечку к книжечке и тяжёлый чемодан было уже не поднять.

Последнее место службы досталось по великому благу. Второй попытки печень бы не выдержала. Теперь, вместо автономных плаваний и солёных брызг в лицо, служба была исключительно на берегу и считалась очень комфортной. Попасть бы на неё раньше, пятнадцать лет назад, глядишь и жена бы была рядом. Да только, что об этом сейчас говорить. Гол, как сокол. Один сертификат, сумма которого вряд ли покроет стоимость комнаты в Воронеже.

Конечно, это был не склад с довольствием. Можешь пить с кем угодно и сколько угодно, но на склады простым смертным мичманам в жизни не попасть.

Мичман Вредный по-прежнему служил на подлодке и считался подводником. Только лодка стояла в доке на берегу

и являлась самой большой и престижной в мире. Поэтому её не распилили и не пропили, хотя многим и хотелось, и сделали музеем, в память о былых заслугах. Обслуживали бывший подводный крейсер сорок восемь мичманов. Каждый день на борт поднимались от пяти до десяти экскурсий. В основном детских. Из специализированных школ, шмонь*, лицеев и кадетских корпусов. Водить экскурсии по подлодке не служба, а рай. Мичман Вредный подбивал клин к каждой преподавательнице таких групп, надеясь хоть как-то устроить свою судьбу, но все попытки заканчивались грандиозными провалами и скандалами. Руку и сердце мичмана почему-то не хотели высокомерные городские учительницы.

Если бы музей - лодка находился во Франции или в другой европейской стране, всё бы точно выглядело по-другому. С лампочками и цветной иллюминацией. С клоунами и шарами в виде собачек и котиков. С огненными шоу и шестами стриптизёрш.

Только подводный крейсер находился в России.

В скалистой бухте, надёжный укрытый каменными массивами. От ветров и вражеских лазутчиков. И лодка была практически сохранена в первоначальном виде. Заводы дизеля и вперёд. Даже бетонный док, со своими подземными этажами никак не был изменён и мог выдержать прямой ракетный залп.

После глотка кофе, всегда хотелось курить. В условленный час из своих кают на палубу огромной подлодки выполз-

ли заспанные техники. Здесь можно было гонять на мотоциклах и лавировать на грузовиках, но все сгрудились возле рубки, места отведенного для курения. На всю команду был один велосипед и тот со спущенными колёсами. Гоняли иногда на нем по скалам самые отчаянные. Желая убиться в самоволке. За куревом обсуждали последние новости. Военные операции за рубежом. В последнее время их стало так много, что уже не могли понять, что происходит.

- Вот, как такая махина, может стоять на приколе, когда в мире такая неразбериха? Она же подплыть может к самой Америке и ни один радар ее не засечет! - горячился мичман Вредный. Его не поддерживали.

- Тебе бы только подкрасться и жахнуть из всех стволов.

- Конечно! Чтоб боялись! Чтоб головы не подняли! Капиталисты!

- Эта лодка уже отстреляла своё.

Подтрунивая друг над другом, моряки лениво курили по третьей сигарете и не спешно переговаривались, ожидая командира лодки-музеи капитан-лейтенанта Смирнова. Были опасения, что командир может не приехать, тогда придётся действовать по накатанной и принимать группы экскурсантов самим. Обычное дело. Смирнов мог уходить в недельные запои и прикрыть его считалось священным долгом.

Как только закурили по четвёртой, через кп вырулил знакомый уазик.

- Принесла нелёгкая.

- Вспомнили.

- Думал, не появится сегодня.

Из кабины выпрыгнул почти трезвый капитан-лейтенант, в сопровождении молоденького старшины, взмахнул командой и браво застучал лабутенами по металлическому трапу, поднимаясь на палубу.

- Опять блатника привёз.

- Сколько можно срочников на лодке скрывать? Пускай служит в казармах!

- И это, когда другие проливают кровь в военных операциях! - гневно выпалил мичман Вредный.

- Здорово, бойцы! - начал из далека кричать капитан - лейтенант Смирнов. - Общее построение!

- Да, чтоб тебя, - заворчали мичмана - ветераны, переглядываясь. Отвыкли они строиться. Видно командир был совсем не в духе. Дежурный по палубе дёрнулся вниз, передать распоряжение.

- Стоять, - пригвоздил его окрик Смирнова. - Я же пошутил, бойцы. Стоим, курим. Есть у кого? Угостите!

Кто-то из мичманов протянул красную пачку "Магмы".

- С ума сошёл? - испугался командир. - Я такое дерьмо не курю. Есть у кого "Винстон"?

Закурили по пятой. Капитан-лейтенант смотрел в глубину дока, тыкал сигаретой в массивные балки.

- Вот раньше делали. На века!

- А, что там в мире, командир? Будет война? - обеспоко-

енность спросил мичман Вредный.

- Тебе лишь бы воевать, Вредный!

- Ему жажать охота!

- Жахнул уже какую-нибудь преподавательницу?

- Нет, - сокрушенно ответил мичман Вредный.

- Жахни! Тогда про войну спрашивать не будешь!

- Да я про новости хотел узнать. У нас интернет через раз ловит.

- Новости самые обычные, - начал увлечённо говорить Смирнов. Новые он не знал, так как ничего не менялось. - Мы по-прежнему никому не нужны. Одними санкциями пугают. А, что?

- Да, товарищ капитан - лейтенант накроют же северный флот ракетами. Мы же стратегически важный объект! Вот я и переживаю!

- Нашел над чем переживать! И что?!

- А то, что до пенсии шесть месяцев осталось и жилищный сертификат я так и не использовал!

- И не используешь! - уверенно начал каплей. - Если война начнётся, то мы в самом эпицентре взрыва окажемся. Или чуть левее от центра. Мурманск, Североморск сразу снесут, Кольский полуостров треснет и уйдёт под воду и кабздец обший.

- Мы им в ответ жахнем! Из всех шахт! - загорячился кто-то из мичманов.

- А то! - согласился командир лодки-музея. - Те, кто уце-

леет сметет мир напоследок. Это мы легко сможем. Даже малыми силами!

- Выходит, нас бить будут наверняка? - задумчиво сказал мичман Вредный. - Чтоб не уцелели? И не огрызнулись?

- Логично! - согласился каплей Смирнов и зевнул. Ужасно хотелось чёрного крепкого кофе и солёных огурцов. Надоела ему эта политинформация: в штабе, в новостях соцсетях, везде. Он снова зевнул. Кому они нужны! Ну, что за страхи нелепые. Поиграют все в санкции и на этом силы противника иссякнут.

- А прикиньте, если мир лопнет по швам, а наша лодка останется! - весело воскликнул один из блатников, молодой мичман. Старики задумались. Кто-то привычно сдвинул фуражку почесать голову. Стали переглядываться. Каплей искал нужные слова, крутя бычком сигареты пируэты в воздухе.

- Да вполне может от мира только она и остаться. Смотрите какой док. При СССР строили. Сейчас таких нет. Он точно пару ракет выдержит. Да и лодка сама чего-то стоит. Её для такой войны и строили. Тоже, кстати в СССР. А там сами понимаете, гости были, без шар.

- Ну, ядерные вряд ли, - вмешался Вредный.

- Да кто по нему бить станет? - изумился каплей. - Наш музей - это не стратегический объект! Просто может в эпицентре оказаться, где все слохнут, а те, кто на лодке останется - нет. Только не завидую я им.

- Это да, - с таким доводом согласились все. Каждый был в автономке не по разу. Крышняк через полгода ехал капитально. А тут, остаться на лодке добровольно навсегда, зная, что за стенами ад и выхода нет.

Молодого мичман передёрнуло от ужаса, которое могли испытать будущее поколение. Ветераны довольно улыбались, видя такую реакцию. Но на самом деле все испытывали такие же чувства. Ужас, страх и обреченность. Уж лучше, как Мурманск – сразу под воду и секундная смерть.

- Гроб, - пробормотал кто-то.

- Огромный гроб-люкс!

- Гостиница гробов!

- И на борту одни людоеды, так как провизия быстро закончится.

- Почему быстро? - возмутился мичман Вредный. - А, если грибы выращивать? Фермы, закрытые в доке сделать. Вентиляцию провести. Шахты! Глядишь, и жили бы какое-то время уцелевшие!

- Заткнись, Вредный!

- Достал ты, Вредный, со своими грибами!

- Угомонись. - Посоветовал и капитан-лейтенант. - Ой, мужики! Заговорился я с вами, мне ещё лампочки покупать. Ехать пора в город! Старшину пристройте. Ему дослужить осталось совсем ничего. Чтоб не обижали.

- Есть не обижать, - отозвались мрачно и злорадно мич-

мана. Главный старшина поежился под суровым мужскими взглядами и захотел обратно в казармы.

- А зачем лампочки? – наивно спросил мичман Вредный.

- Зачем? - переспросил каплей. Быстро придумал ответ. - Чтобы стенды новые делать. Надо экспозицию ко Дню ВМФ приготовить. Удивим начальство!

- Удивим, - вторили ему унылые голоса мичманов. Вечно командир занятие мог найти для подчинённых.

- Не раскисать, мужики! Вы же все технари! Что вам стенды сделать?! Я погнал! Чтобы сегодня все трезвые были! Вечером приеду проверю! Сегодня по расписанию примите семь экскурсий. Покажите им всё. Вредный! Держи руки при себе или сразу пиши объяснительную! Достал!

- Есть, писать сразу объяснительную!

Мичман Вредный завидовал командиру Смирнову. Знал он эти "лампочки" : синеглазые, кареглазые молоденькие студентки пединститута готовы были распахнуть двери женской общаги перед капитан-лейтенантом. В надежде выйти замуж за военного моряка. Знали бы они правду! Скорее ядерная война случится, чем кто-то охомукает Смирнова.

Лабутены командира уже стучали внизу трапа, и мичман не добро посмотрел на старшину, готового юркнуть под шумок в лодку и забиться где-нибудь на камбузе, поближе к еде.

- Куда? Смирно! Стоять, карась! Как зовут?!

- Главный старшина, - начал рапортовать молоденький моряк и дальше его голос заглушили въезжающие экскурсион-

ные автобусы с детьми. Первая старая "Вольво" звонко по-сигналила, привлекая к себе внимание и мичман Вредный отмахнулся от говорящего, как от назойливой мухи.

Имя можно и потом и спросить.

Начинался рабочий день.

Шмонька* - морская хабза

Глава 3.

— Дяденька — жлоб!

Я смотрел на маленького худенького мальчика, который указывал на меня крохотным грязным пальчиком, и буквально взглядом высверливал во мне дырку. Одет в обноски, начёсан и не умыт. Не знал, что такие бывают. Вышагнул из темноты, как из другой реальности.

Глюк, наверное. Откуда ему в шлюзном отсеке взяться? Вышел из мрака железа, теперь смотрит, бормочет. Пугает. А мне не особо страшно. Привык к подобному за долгое время обитания на лодке. Одно желание: хочется, чтобы поскорее исчез. Шепчу: «Изыди!»

Иногда, такое бывает после грибов и не хватки кислорода. Глаза какие бешенные: белки вращаются практически без остановки. Такой и укусить сможет. Лечись потом от детского бешенства. А я и так больной. Весь. С трясучкой с рождения справиться не могу.

Ели отдышался, стал балансировать руками, трогая воздух вокруг — ага, пол металлический, убедился, что дома — заклепки родные. Задышал свободнее. Хорошо, вот так сидеть и снова дышать. Красота. Опять живой! Повезло.

- Гипнотизируешь? — поинтересовался я у призрака, прищуриваясь. Слишком материальный. Не светится. Не прозрачный. Видно, я совсем плох. Закрыв глаза и резко открыл.

Мальчик не исчез. Серьезный. Пальцем обвинительно продолжает тыкать.

Вахтенный тронул за плечо, привлекая внимание:

— Ты как?

— Теперь порядок.

— Не шути так больше. — Матрос надменно усмехнулся, отстраняясь, стал прикладывать маску к лицу, ему по времени выходить на поверхность, высматривать таких отчаянных грибников и прочих разведчиков-смертников. Думали бесполезная должность на лодке, оказалась не совсем — спас меня, а я признаться голосовал против, всё в грибники парня звал. Надеялся на пополнение. Не уговорил. В грибники пойти теперь никого не уговорить.

— Да я не шутил, — попытался оправдаться, потрянул облезлыми баллонами. — Кислород закончился.

Матрос, не оборачиваясь, махнул рукой — проехали, ладно, сочтемся. Но я-то знал, кому обязан жизнью. Непременно поставлю свечку Главному старшине. Без него вряд ли

добежал до колокола и не нашел бы силы, чтобы раскачать маятник.

Повернулся к исчезающему мальцу, спросил:

— Почему — это я жлоб? — и нахмурился. Ответит, не ответит? Сильно я сдал? Или может выкарабкаюсь? Мне на покой нельзя.

Ответил:

— Дай грибочек!

Я выдохнул – значит, всё-таки пацан материальный.

— Видишь ли, малыш, эти точно вредные и опасные. Без обработки есть нельзя. Понял?

— Ты с кем сейчас разговаривал? — Мальчик запыхтел и начал сердиться.

— Понятно, — пробормотал я, вставая, колени дрожали и не держали тело. Стоило приложить много усилий, чтобы не упасть. Таймер на очистителе отщелкал время и коротко звякнул: обработка закончилась. Вытащил из шкафа защитный костюм, перевесил в дежурный ящик со своей фамилией. Холод обжег ступни, пошарил рукой в нижнем отделении и извлек на свет войлочные серые тапочки — самое лучшее изобретение святых мичманов. Теперь очередь дошла и до рюкзака. Раскрыл и глянул на содержимое: плотно забит, под завязку, наверное, потянет на шесть таблеток — план точно перевыполнен.

— Дай грибочек!

— Угомонись, — посоветовал я, высыпая грибы в прием-

ник переработки. Машина заурчала, взвешивая и отсчитывая таблетки — самый любимый процесс, одна таблетка — день жизни и наиболее распространённая единица для обмена.

— Жлоб!

Аппарат выплюнул три таблетки.

Я сгреб в ладонь зарплату и задумался: меньше на одну, чем обычно. А тут еще и норму перевыполнил. Странно, но рано паниковать. К помощнику младшего мичмана собирался на доклад, заодно и этот вопрос подниму. Развентил тубу под таблетки, стал складывать, поглядывая на мальчика:

— Кто папа? — Про маму не спрашивал. Нет у нас мам. Одна Лизка бродит, но она из отчаянных, жена помощника младшего мичмана и любит поиграть в мать Терезу. Остальные уцелевшие женщины на верхних этажах, и мы их не видим.

— Слесарь! — с вызовом в голосе ответил мальчик. Я вздрогнул. Вот.

Вот почему я хотел быть слесарем: лежишь себе в грязи — тепло, хорошо, рядом дети чумазые — благодать, а не жизнь. Наверное, никогда не задыхаются и даже на поверхность не выходят. Что, так не жить?

Я отломал пол таблетки, отдал мальцу.

— Завтра еще приду! — довольно сообщил он, пряча еду за щеку.

— Вали давай! — огрызнулся я и пошел в душевую. Сни-

мая робу, смотрел на старые бело-синие плитки, ржавые подтеки с которых не могли отмыть еще десять лет назад и размышлял. Выходило скверно: уцелело три плантации из семи, из грибников остался один я, срезали зарплату, хотя по идеи должны платить больше — работы прибавилось и штата нет. Назревает кризис? Плохие времена? Куда хуже? К чему готовиться?

Про чудовище с гладким панцирным хитоном я не думал. Точнее, старался не думать. Вот ведь знатная тварь! Пластины так и лоснились здоровьем. Откормленный гад. И вряд ли так отъелся на одних диетических грибах.

Я зашел в кабинку, включил воду, подставляясь под воду, и только успел намылиться хозяйственным мылом, как в душевую величественно всплыла Лизка. В глазах защипало. И было от чего: Лизка походила на сильно упитанного борца греко-римской борьбы или на маленькую копию нашей подлодки тк 208. На широком круглом лице, нос картошкой немного свернут на бок, шеи практически нет, мощные плечи больше, чем у меня. Глядит из-под лба и курит. Почему у Лизки всегда висят сосульками волосы на голове, она не может сделать прическу и стать женственной? Ну, такой, как в журнале для разрядки мужчин? Или для нас и так сойдет? Неуважение какое-то к нашему этажу. Вот бы Лизка была выше сантиметров на двадцать пять и на сто пятьдесят килограмм легче. Вот бы мы тогда зажили!

Я вздохнул и натолкнулся на хмурый изучающий взгляд

женщины. Как об стену разбился с разбегу.

А, нет. Не может. Не такая у нас Лиза: слишком принципиальная, не меняющаяся и не подстраивающаяся под мнения других.

— Простите, — прошептал я, краснея. И пальцы на правой руке занемели. Со страху, наверное.

Лизка криво усмехнулась, затагнулась, выпустила из ноздрей мощные струи дыма. Медленно подняла раскрытую ладонь и сжала несколько раз в кулак.

— Поиграем? — предложила женщина, входя в роль спасительницы мира.

И я сильно задумался.

Глава 4

— Что? — набычилась Лизка, видя моё замешательство. Челюсть ее выдвинулась вперед, не предвещая ничего хорошего. Сейчас, как жახнет! А мне много надо? Ели на ногах стою.

— Да я... — начал было оправдываться, но жена помощника младшего мичмана закончила предложение:

— Устал? — Она немного расслабилась. Надетый на нее синий спортивный костюм, лопнул в нескольких местах на боках, и белесая плоть плотными комками вываливалась пузырями наружу. На одном торчали длинные жесткие рыжие волоски. Лизка точно была не рыжей. Скорее волосы на ее

голове были неопределенного цвета: седина начинала оттенять русый оттенок, превращая всё в пепел старости. Жалко, что сегодня шапочку не надела. Красивая и бубоном! Вязанная шапочка ей очень к лицу.

— Да. Устал. Сильно. Навсегда.

— А я думала, что дело во мне. — Лизка затянулась, испепеляя сигарету до фильтра, собралась уходить и принялась неспешно разворачиваться, снова имитируя нашу подлодку. — Ладно. Поиграешься сам. Зато сэкономил две таблетки.

— Раньше же одна была! — опешил я таким новым расценкам. Меня начало трясти. Как всегда, в самый неподходящий момент. Я посмотрел на одну руку, на другую – пальцы до сих пор не могли разогнуться и выплясывали, живя самостоятельной жизнью.

— Так, то раньше. Конкуrentов - нет. — Лизка пожала огромным плечом и сделала первый шаг к выходу. – Что хочу, то и делаю. Кто мне запретит?

— Подожди! — поспешил я.

Лизка снова начала разворачиваться. Действие заворачивало.

— Передумал? — удивилась она. Свинячьи глазки на круглом лице забегали и снова остановились на мне. Впрочем, не очень Лизка удивилась. Скорее деланно и наигранно, конкуренток у нее действительно не было. Царица коридора. Примадонна подлодки.

— Я только спросить хотел.

Лизка закатила глаза.

— Ну давай, спрашивай.

— Лиза, а ты можешь мне достать одну настоящую сигарету. Только такую, чтобы примесей в ней никаких не было, никакой соломы, листьев или использованной заварки. В общем, не как в прошлый раз.

— Фига себе у тебя запросы. Снова закурил что ли? — она искренне удивилась моей просьбе.

— Сможешь или нет? — задал я вопрос, пропуская ее мимо ушей.

— Десять таблеток.

Я пошатнулся. С трудом ответил:

— Хорошо.

Лизка удивилась, не смогла скрыть эмоции, поняла, что продешевила, стала снова разворачиваться к выходу, душевая для нее была явно маловата.

— Сообщу, как достану.

— Лиза, — снова позвал я.

— Да чтоб тебя, — негромко выругалась она. — Ты сразу можешь говорить всё, что хочешь?

— Могу. Лиза, сколько будет стоить переспать с женщиной?

Повисла неловкая тишина. Струи воды зажурчали сильнее, стекая в канализацию в полу. Не думал, что нашу Лизу можно чем-то смутить. Она смотрела на меня пристально, оценивая по-новому, потом постучала себя ниже живота, по

второму животу, и сказала:

— Ты трахнутьяся, что ли, хочешь? Так это только для избранного.

— Да нет, Лиза, — ужаснулся я. — Я с женщиной хочу переспать. Просто заснуть с ней, чтобы сиська в руке была и проснуться так же.

— Да ты — извращенец, — с придыханием в голосе прошептала Лизка. — Зачем тебе это?

Я покосился на нее, буркнул:

— Папа всегда говорил, что мужик так должен засыпать и просыпаться. А он плохого не скажет. Он всё-таки мичманом был. Я ведь в любую минуту могу умереть и не испытать ничего подобного.

Лизка кивала головой, мало меня слушая, что-то высчитывая, потом сказала:

— На ночь не получится. Я максимум на два часа могу исчезнуть. Пятьдесят таблеток.

Теперь замолчал я. Лизка поняла по-своему, затараторила:

— Представь, что у тебя будет дневной сон. Ощущения такие же. Что?! Пятьдесят дорого? Ну, давай за сорок девять тогда.

— Лиза, — покачал я головой. — Я с женщиной хочу переспать.

— А я кто?!

Я задумался и уклончиво ответил:

— А ты жена нашего коридорного, помощника младшего мичмана. Не могу через себя переступить. Не могу.

Готовая было взорваться Лиза перестала багроветь. Лицо ее искривилось, бровки трогательно дрогнули:

— Так вы друзья, что ли? Мне муж никогда не говорил, что вы дружите. Да я вообще думала, что у него друзей нет! Что ж ты раньше молчал! У меня к тебе был бы другой подход.

Я вздохнул. Мыло, кажется, уже разъело везде кожу — санобработка подходила к концу. Пожал плечами, разводя руками. Мол, не знаю, так получилось.

— Но ведь других женщин нет!

Я и тут промолчал. Они были. Только мы их не видели. Лизка умная, должна до всего сама дойти.

— Вредный! Да ты с ума сошел?! Это же богини. Они наверху живут!

Я молчал. Конечно, мечта несбыточная. Но на то она и мечта. Чтоб трудно было! Чтоб всю жизнь к ней идти. Чтоб головой об стенку. Раз! И прошибить.

— Просто переспать? — Я кивнул, соглашаясь. — Ладно, — удрученно сказала Лизка. — Я спрошу. Но я ничего не обещаю.

Она наконец-то вышла. А я заметно повеселел. Как говорил мой приемный папа: «Главное дизели завести, а поплывет лодка или не поплывет — это уже вторично!»

После душа сразу пошел на доклад.

«К другу».

Полтаблетки за щеку, и аминокислоты сразу стали бодрить, убивая чувство голода. Помощник младшего мичмана сидел за столом прямо в конце коридора и изучал монитор с умным видом. Всегда хотел спросить, что он там видит, но не решался. Я остановился на краю дорожки. Босс медленно поднял голову и посмотрел на меня воспаленными красными глазами. С секунду соображал. Понятно, работы много, а тут я.

— Вредный? — спросил удивленно он, явно не ожидая увидеть меня живым.

— Так точно. — Я попытался отдать честь: рука дрожала и не сгибалась толком. Не донес пальцы до виска. Расслабился и бросил глупую затею.

— Нашел своих грибников?! — начал коридорный с наезда.

— Нет, — подумав, ответил я. Понимая, что толком и не искал. Попытался, но кислород быстро закончился. Бродить по доку предстояло не один день. Двенадцать человек — это не шутка. Хоть что-то должно от них остаться.

— Зачем тогда пришел? — удивился помощник младшего мичмана. Я смотрел на его полуха. И думал в какой передряге потерял плоть? Он же всегда за столом сидит. Вспомнил, что он и мальчишкой бегал уже с половиной уха. Тогда хвастался, что потерял на поверхности. Строил из себя героя дока. Борца со злом и монстрами.

Я молчал.

— Иди давай, ищи! — озлобился босс. — Что ты ко мне приперся?!

- С докладом.

- С каким докладом?! Ты на себя посмотри! Двух слов связать не можешь! Развел бардак! До тебя такого не было! Все грибники всегда были на месте! А как ты заступил на должность, так началось!

— А почему я должен искать? — я немного обиделся.

— А кто?! Я, что ли?! Кто из нас старший грибник?! Ты! Вот и иди ищи свою бригаду! Кто работать будет?!

Умел помощник младшего мичмана всех ставить на место, я чуть обратно в шлюзы не побежал, одевать защитник, потом вспомнил:

— Там кто-то внизу поселился. Плантации рушит. Думаю, и грибников моих съел.

— И что ты предлагаешь?! — обозлился босс. — Как ты будешь решать эту проблему?!

— Я буду решать? — опешил я, не смея поднять глаз с зеленой облезлой дорожки, думая какой у нее первоначально рисунок был по краям.

— Ну а кто?! Твой участок, ты и отвечаешь. И плантации восстанавливай, и грибников ищи и таракана изгоняй.

— Один, что ли? — еще больше растерялся я.

— А что, со мной, что ли?! Или у меня дел нет больше?!

Я понимал: у босса дел выше головы, ему за коридором

следить надо. Это целая жизнь, но сразу не сдался:

— Так грибы все едят. Все на лодке. Это же первое средство от всего, мы ими даже лечимся.

— И что ты предлагаешь?!

— Дайте хоть автомат. Таракан в пять раз больше меня.

Босс непонимающе посмотрел на меня и начал хохотать, сползая со своего кресла. Утирал лицо грязными пальцами.

Я дождался окончания похрюкивания и спросил:

— Что?

— Может, тебе еще двух морпехов дать?

— А можно?

— Слушай, Вредный, тебя в детстве не обижали? Ты — дурак, что ли? У тебя меч есть?! Вот иди и махай! И без грибников не возвращайся! Свободен!

— Есть, — я крутанулся через плечо и только шагов через семь вспомнил, что так и не спросил, почему таблеток за полный ранец стали давать меньше.

Глава 5

Так-то мечи у всех были.

Для большинства: удобные длинные плоские палки, заостренные с одного края. Удобно в мусоре ковыряться. Редко кто-то рубился. Ну, разве что друг с другом, балуясь и фехтуя, готовясь непонятно к чему. Обычно меч, если прижмет, не помогал. Ни успевали вытащить. Но оружие все ис-

правно носили: и положено по штатному расписанию, и красиво, и опять же удобно ковыряться.

Я снова стоял в шлюзовом отсеке и, открыв свой шкафчик, смотрел на пояс с оружием.

А вот автоматов на лодке имелось всего три. И то, где-то в сейфах на верхних этажах. Конечно, я глупость сказал, когда один попросил. Их же берегли для особого случая и явно не для моего.

Папа говорил, что мечи под японскую катану делали. Может быть. Я других моделей не видел. Изначально много заготавливали, чтобы всем хватило.

Теперь излишек.

Некоторые с двумя ходят. И все равно излишек. А мне зачем два? Я же обычный грибник: у меня ранец с грибами и так тяжело. Вместо второго меча у меня кортик. Настоящий, мичманский. Папа, умирая, подарил, память на недолгую жизнь. Берегу и почти не пользуюсь. Потом умирать буду, сыну тоже подарю. Традиция.

Меч решил наточить, заодно и баллоны кислородной смесью заправить. По приказу босса я уже пять минут как должен быть на поверхности, но не могу — ноги до сих пор дрожат, надо поспать хоть часа два. Сделать мне ничего не смогут, всё равно в наказание отправили бы наверх. Так что лягу, а там хоть снова война.

Мечами и баллонами у нас Хомяк заведовал. К нему на склад и пошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.